

Л. И. ЗУБОК, Н. Н. ЯКОВЛЕВ

Заря современной Америки*

<Фрагменты>

Мировой экономический кризис открыл волнующие перспективы перед демократической партией, томившейся вне лона власти вот уже двенадцать долгих лет. Победить администрацию, которая, по общему мнению, навлекла чудовищное бедствие на страну, не составляло большого труда. Выдвижение республиканцами кандидатом в президенты Г. Гувера, несомненно, облегчало достижение этой цели. Главным оружием в политическом арсенале демократов были бесчисленные и разнообразнейшие неудачи правящей партии, дававшие возможность составить против нее внушительное обвинительное заключение. Если по части критики нехватки не было, то сформулировать позитивную программу было много сложнее. В конечном счете на политической арене, как обычно, состязались две партии, одинаково заинтересованные в сохранении существующего строя.

В оскудевшей талантами демократической партии неоспоримо выделился в качестве лидера Франклин Делано Рузвельт**, отметивший в 1932 г. свое пятидесятилетие. Он имел за плечами обширный политический опыт: в 1913–1920 гг. заместитель военно-морского министра, на выборах 1920 г., баллотировавшись на пост вице-президента, потерпел поражение вместе с демократической партией. Тяжелое заболевание в 1921 г., практически обречшее его на инвалидность до конца жизни, временно отстра-

---

* Впервые: *Зубок Л. И., Яковлев Н. Н. Новейшая история США*. М., 1972. Печатается по этому изданию. С. 69–74, 102–107. — *Примеч. сост.*

** Принятое сокращение — ФДР.

нило Рузвельта от политической деятельности. Но уже в 1928 г. он добился избрания губернатором штата Нью-Йорк. Большая часть его губернаторства прошла в годы кризиса. ФДР в меру своих сил и возможностей попытался показать стране, что может сделать энергичный администратор. В штате Нью-Йорк была организована сносная помощь безработным, учреждена система общественных работ и т. д. Разумные начинания губернатора, однако, шли рука об руку с террором полиции, разгонявшей в Нью-Йорке демонстрации безработных и дававшей свирепый отпор «голодным походам».

Когда в 1932 г. Ф. Рузвельт сделал заявку на кресло президента, было совершенно очевидно, что политики исчерпали интеллектуальные ресурсы в попытках нащупать пути выхода из кризиса. Рузвельт, остро ощущавший нехватку конструктивных идей, обратился к профессуре. В губернаторский дворец в Олбани зачастили необычные гости — профессора, по преимуществу из территориально близкого Колумбийского университета. Они в меру сил просветили пытливого губернатора о причинах кризиса и дали общий набросок исхода из бедственного положения. Разумеется, цельной картины не получилось, но Ф. Рузвельт был бесконечно благодарен интеллектуалам — по крайней мере предлагались решительные и срочные меры. Так возник кружок при будущем президенте, получивший название «мозговой трест», члены которого из академической общины старались применить новейшие достижения своей науки, прежде всего экономики, к конкретным проблемам, ставшим перед Вашингтоном.

ФДР, общаясь с профессорами, меньше всего руководствовался соображениями любомудрия. Реалист до мозга костей, он выбирал из предлагавшихся различных мер то, что могло способствовать достижению его главной цели — сохранению, больше того, укреплению капиталистической системы. Когда в середине тридцатых годов писатель Э. Людвиг поинтересовался «политическими мотивами» деятельности Рузвельта, он откровенно ответил: «Я хочу избежать революции...» Став кандидатом в президенты от демократической партии, Ф. Рузвельт во время избирательной кампании объяснял: «Представим себе цивилизацию в виде дерева, на котором в процессе роста отмирают сучья. Радикал требует их отрезать, консерватор кричит не трогать! А либерал идет на компромисс, он говорит — давайте подстрижем их с тем, чтобы не повредить ни старый ствол, ни новые ветви.

Эта кампания должна научить страну идти предначертанным ей курсом, путем изменений, дисциплинированно, избегнув как радикальной, так и консервативной революции».

По всей вероятности, это наиболее точное и полное описание его кредо. Тем не менее оно вызывало величайшее изумление. Бессменный министр труда в администрации Рузвельта Ф. Перкинс рассказала о тяжелых трудностях тех, кто пытался рационализировать воззрения Рузвельта в идеологических терминах. Как-то один юный журналист добрался до ФДР и подверг его допросу с пристрастием: «Г-н президент, вы коммунист?» — «Нет!» — «Вы капиталист?» — «Нет!» — «Вы социалист?» — «Нет!» — ответил изумленно ФДР. Молодой человек продолжил: «Хорошо, тогда в чем состоит ваша философия?» — «Философия? — спросил озадаченный президент. — Философия? А я христианин и демократ. Вот и все»*. В тридцатые годы, отмеченные острой классовой борьбой, усиленно искали четких идеологических определений, которые вписывались бы в известные доктрины. Именно по этой причине ФДР избегал их, прекрасно понимая, что прослыть апостолом капитализма на словах не сулит больших политических дивидендов. Кризис точно определил цену капитализма. В этих условиях внешняя деидеологизация политики наилучшим образом отвечала целям Рузвельта.

ФДР был прежде всего и больше всего прагматистом. Он взял на себя спасение капитализма, и не пестрые ярлыки, а суть дела интересовала его. В кампании 1932 г. он преследовал в первую очередь практическую цель — добиться избрания, а не погрязнуть в идеологических схватках. Нужно было разбить видимого врага — республиканцев у власти, а для этого все средства хороши. Конкретно ФДР обвинил их в двух прегрешениях. Он доказывал, что Гувер не прав, утверждая, что причины кризиса лежат за американскими границами, а также настаивал: администрация Гувера тратит слишком много средств. ФДР назвал ее «самой расточительной администрацией в мирное время во всей нашей истории». Он призывал покончить с дефицитным бюджетом. «Давайте наберемся мужества, — зывал он, — перестанем занимать, чтобы покрывать дефицит».

---

* *Franklin D. Roosevelt. A Profile.* Ed. by W. Leuchtenburg. New York, 1967, p. 16.

Президент требовал сократить расходы федерального правительства по крайней мере на миллиард долларов в год. Но как покончить с кризисом? Рузвельт относил его за счет низкой покупательной способности населения и клялся, что его правительство «использует мудрые меры регулирования, которые сделают покупательную способность нормальной». Общественные работы отнюдь не панацея, они всего лишь «затычка», даже если государство ассигнует миллиарды долларов.

На экстравагантные и немыслимые упражнения ФДР в финансовой статистике Гувер ответил речью в Детройте, дав сухую бухгалтерскую справку. Президент напомнил, что все расходы федерального правительства в финансовом году составили 3,6 млрд долларов, из них около 2 млрд долларов — на выплату государственного долга и покрытие иных обязательств. Следовательно, текущие расходы составляли примерно 1,6 млрд долларов. За счет чего сокращать? «Даже пойдя на дикое допущение, — говорил Гувер, — если мы потушим половину маяков (содержащихся на государственные средства. — *Н. Я.*), выпустим на радость нации половину заключенных из тюрем и т. д., то даже тогда необходимых сумм не сыскать»*. Подсчеты Гувера, конечно, были правильными, предложения ФДР, если принять их на веру, абсурдными, но Рузвельт думал всерьез не о реализации предвыборных обещаний, а о собственном избрании. Это приводило в отчаяние его ближайших советников. Профессор Р. Моли, возглавлявший тогда «мозговой трест», с величайшим удивлением встретил предложение ФДР «объединить» два диаметрально противоположных предложения по тарифной политике. «Ужасно его легкоеверие, — жаловался Моли в частном письме, — он не берет на себя труд проверить, что я и другие говорим ему».

Среди безработных за три недели до дня выборов широко распространялась копия письма, направленного Рузвельтом в ответ на мольбу одного измученного ньюйоркца, многие годы безуспешно искавшего работу: «Буду рад, если вы процитируете следующее мое заявление — я верю в неотъемлемое право каждого гражданина иметь работу с приличной заработной платой и я обязуюсь провести все необходимые меры для учреждения

---

* «Depression, Recovery and War. 1929–1945» Ed. by A. Rollins. New York, 1960, p. 45.

полезных общественных работ, например, таких, как использование наших водных ресурсов, контроля над паводками, улучшение почв с тем, чтобы все нуждающиеся в работе могли всегда получить ее». Республиканцы рассвирепели. Обещание противоречило их здравому смыслу. Гувер комментировал: «Из этого заявления можно сделать только одно заключение. 10 миллионам ныне безработным и страдающим мужчинам и женщинам дается обещание — правительство обеспечит их работой. Но никакое правительство не может сделать этого. Совершенно неправильно вводить в заблуждение измученных людей обещаниями такого рода». Ограниченность мышления республиканцев была очевидной.

Исстрадавшийся народ был склонен верить посулам Рузвельта, а не трезвой, по критериям республиканцев, арифметике Гувера. ФДР тем временем изыскивал все новые и новые аргументы. Миллионы людей тяжело страдали от голода и лишений, а правительство предложило фермерам сокращать посевы для поддержания цен на сельскохозяйственную продукцию. ФДР откликнулся: «Советы фермерам не засеивать 20% их полей, предназначенных для пшеницы, перепахать треть посевов хлопка и забить каждую десятую молочную корову — злая шутка». Известно, что президент Рузвельт проделал именно то, что осуждал кандидат в президенты Рузвельт, — сводил бюджет с дефицитом, превратил общественные работы в постоянный институт и с железной настойчивостью поощрял сокращение сельскохозяйственного производства. Но кто мог знать об этом в отчаянном 1932 г.! Тем более что ФДР обрушил словесные удары на монополии. Так, например, в речи в Сан-Франциско он сказал: «Объективная статистика последних трех десятилетий показывает, что независимый бизнесмен в проигрыше... Недавно было проведено тщательное обследование концентрации бизнеса в США. Выяснилось, что над нашей экономической жизнью господствуют шестьсот с небольшим корпораций, контролирующих две трети американской промышленности. Оставшаяся треть принадлежит десяти миллионам мелких бизнесменов. Еще более важно то, что, если этот процесс будет развиваться теми же темпами, к концу нынешнего столетия нами будет править, вероятно, сотня человек. Говоря простыми словами, мы твердо встали на путь экономической олигархии, если это уже не произошло».

Звучало весьма либерально, даже радикально. Избиратели, естественно, ловили каждое слово ФДР, обещавшего повести

их куда-то, где не будет безработицы, коротко говоря, предложившего звучное название своей будущей политики: «новый курс». Но рядовому американцу едва ли могло прийти в голову, что, когда ФДР говорил о необходимости введения «конституционного экономического порядка» или «приспособления» производства к потреблению, он повторял то, до чего уже дошли сами критикуемые им на людях моголы финансового капитала. Видя бесплодность усилий правительства наладить экономическую активность, комитет по бизнесу и занятости Торговой палаты США еще в 1931 г. заключил: «Свобода действий, которая могла быть оправданной в относительно простой жизни прошлого столетия, ныне нетерпима... Период крайнего индивидуализма остался позади». Предложенные в этой связи Торговой палатой меры в значительной степени превзошли проведенные в США мероприятия в годы «нового курса». Все эти обстоятельства стали доступны научному анализу спустя некоторое время, а тогда нация жадно внимала спасителю — Франклин Д. Рузвельт горячо говорил о «забытом человеке», интересы которого отныне будут составлять предмет забот грядущей администрации.

На этой платформе, противоречивой и во многом нереальной, Рузвельт победил. По очень простой причине — люди, выбиравшие его в президенты, тем самым давали отпор Гуверу, не говоря уже о том, что он обещал отменить «сухой закон». ФДР собрал 22,8 млн голосов; 15,7 млн избирателей все же поддержали Гувера. Левые силы, хотя и не достигли значительных успехов, сумели повести за собой почти миллион человек — 880 тыс. голосов получил кандидат в президенты от социалистической партии Н. Томас и 103 тыс. голосов получил кандидат коммунистов У. Фостер.

«Новый курс». Президентом Соединенных Штатов стал человек, который остался загадкой даже для своих соратников. Ф. Перкинс нашла, что «он был самым сложным человеком из всех, кого я знала». Министр финансов Г. Моргентау считал, что «его чрезвычайно трудно описать», а Р. Шервуд, работавший с ФДР в последние годы жизни президента, заключает: «Характер Рузвельта был не только сложным, но и обескураживающе противоречивым». Публицист А. Крок, в значительной степени определявший лицо ведущей американской газеты «Нью-Йорк таймс», незадолго до смерти президента попытался дать итоговую оценку деятельности Рузвельта. Отметив его неоспоримые

выдающиеся качества как государственного деятеля, способность очаровывать народ, редкий дар руководителя, Крок продолжал: «Интеллектуально он не глубок. Когда перед ним встают чрезвычайно сложные проблемы, он склонен обходить их хитростью. Циничное отношение к политике, собственно и возвысившей его, особенно союз с еще более циничными руководителями партийных машин в городах. Слабость в качестве администратора. Чрезмерная готовность убеждать себя, что национальные интересы оправдывают утаивание фактов от народа. Склонность рассматривать честных критиков с личным предубеждением и часто наказывать их, сомнительно используя громадную власть президента. Зазнайство и высокомерие в оценке собственных талантов как человека, без которого мир совершенно не может обойтись. Слабое знание истории, включая историю США»*.

Личные качества ФДР, перечисленные не всегда дружественным к президенту Кроком, наложили отпечаток на методы его руководства страной. Деятельность Рузвельта началась в тот момент, когда кризис, казалось, нанес сокрушительный удар США, — весной 1933 г. по существу обанкротилась финансовая система страны. К 4 марта 1933 г. — дню вступления в должность Рузвельта — практически все банки в стране прекратили операции. На пороге был паралич экономической жизни, и тут на арену выступил новый президент. В мрачный день вступления в должность ФДР произнес программную речь, обрисовав причины кризиса, как они виделись ему. Оказывается, виноваты во всем «ростовщики», руководствовавшиеся только интересами «прибыли». «Потерпев крах, ростовщики сбежали со своих высоких постов в храме нашей цивилизации. Теперь мы и восстановим в храме древние истины. Размеры восстановления определит степень применения нами социальных ценностей более благородных, чем денежная выгода». На будущее президент определил: «Нельзя только брать, мы должны и давать. Если нам суждено двинуться вперед, мы должны идти как обученная и верная армия, готовая на жертвы ради блага общей дисциплины, ибо без нее невозможен никакой прогресс, и никакое руководство не может быть эффективным». Рузвельт заметил: «Народ просил дисциплины» — и посулил ввести ее.

<...>

---

* А. Крок. *Memoirs*. New York, 1969, p. 146.

Но ни прозрачные намеки Черчилля на возможность капитуляции Англии, ни униженная мольба Рейн не разжалобили Вашингтон и не повернули там сердца. Союзники получили деловое предупреждение из США: ни в коем случае английский и французский флоты не должны попасть в руки немцев, в противном случае Англия и Франция навсегда потеряют расположение Америки. В Лондоне сочли необходимым ответить также по-деловому. Со сдержанной яростью Черчилль инструктирует английского посла в США: «Если бы Великобритания пала в результате вторжения, то прогерманское правительство могло бы добиться от Германии гораздо более легких условий, выдав флот, что превратило бы Германию и Японию в хозяев Нового Света... именно так оно бы поступило и, пожалуй, не могло бы поступить иначе. Президент должен ясно осознать это. Вы должны говорить с ним в этом духе и, таким образом, рассеять беззаботное предположение Соединенных Штатов, что они в результате проводимой ими политики сумеют подобрать обломки Британской империи». Черчилль домогался прямой военной помощи Соединенных Штатов, т. е. вступления их в войну. Ничто не могло быть дальше от намерений американского правительства, готового пока сражаться до последнего французского и английского солдата.

В Вашингтоне, разумеется, ненавидели фашистских диктаторов и от всего сердца желали их гибели. Неожиданные успехи вермахта посеяли в правящих кругах США гнетущий страх, но не за судьбу союзников, а за свое будущее. Для Франции и Англии шла борьба за самую жизнь; с точки зрения американского правительства то была кампания с целью выиграть время для решительного укрепления военной мощи собственной страны. Приходилось действовать с величайшей поспешностью, импровизировать и все потому, что многое было упрощено в обстановке недавнего политического ослепления — господства тщетных надежд на то, что удастся повернуть войну в Европе против СССР. В мае — июне конгресс вотировал множество законов, имевших в виду вооружить США до зубов, — предстояло развернуть флот «двух океанов», удвоив количество военных кораблей, довести численность ВВС до 36 тыс. самолетов. 15 июня ФДР отдал секретное указание о начале работ, приведших к созданию атомной бомбы. В сентябре, впервые в мирное время, в США принимается закон о выборочной воинской повинности — предстояло строи-

тельство армии в 1,4 млн человек. Все это под флагом обеспечения безопасности западного полушария.

Тем временем война в Европе расширилась: Италия выступила на стороне Германии, что дало повод Рузвельту 10 июня произнести огненную речь в Шарлоттсвиле, испепелив словесными молниями коварный Рим, «вонзивший кинжал в спину соседа». В дни капитуляции Франции начальник штаба армии генерал Д. Маршалл доложил правительству: «Если англичане покажут, что они могут выстоять перед лицом германского удара и, получая небольшую помощь, продержаться с год, тогда с точки зрения нашей безопасности желательно передать им кое-какие военные материалы и вооружение». В июне США продали Англии за 41 млн долларов 615 тыс. винтовок, 86 тыс. пулеметов, 895 орудий и некоторое другое вооружение, в основном устаревших образцов, лежавшее на складах со времен Первой мировой войны. Тем не менее это было серьезное подспорье — английский экспедиционный корпус, бежавший с континента, бросил там все тяжелое вооружение.

Угроза гитлеровского вторжения на Британские острова была эвентуальной, но действия германских подводных лодок создали реальную опасность для Англии, в громадной степени зависевшей от ввоза необходимых материалов и сырья. Если накануне капитуляции Франции Англия получала морем 1,2 млн т грузов в неделю, то спустя месяц эта цифра снизилась до 750 тыс. т, а потери торгового флота продолжали угрожающе расти. Были остро необходимы эскортирующие корабли для охраны конвоев. Черчилль еще с мая добивался у США передачи Англии 40–50 эсминцев и нескольких сот самолетов. Правительство Рузвельта в ответ поставило условия: официальное заверение в том, что в случае разгрома Англии ее флот не попадет в руки Германии, и предоставление американцам баз в английских владениях в западном полушарии. Черчилль долго умолял Вашингтон не превращать передачу кораблей в унижительный торг, а объявить, что США дарят их Англии. Тем самым можно было бы продемонстрировать единство англосаксонского мира перед лицом диктаторов. Все напрасно. Лондону пришлось смириться: 2 сентября 1940 г. было подписано англо-американское соглашение о передаче 50 эсминцев, построенных в Первую мировую войну, в обмен на 8 баз. Эсминцы подлежали продаже на слом по цене 4–5 тыс. долларов каждый корабль.

Военное значение соглашения было невелико (до конца года только 9 кораблей были введены в строй), но его политические аспекты были значительны — США становились в сущности невоюющим союзником Англии.

Выработка американской стратегии. Свобода действий правительства Рузвельта летом и ранней осенью 1940 г. была ограничена очередной кампанией по выборам президента, которая резко обострила политические страсти. Их, помимо прочего, подогрело беспрецедентное обстоятельство: выставив свою кандидатуру на пост президента в третий раз, ФДР сломал традицию, восходившую к «отцам — основателям» республики. В центре развернувшейся дискуссии, продолжавшейся и после выборов, вплоть до Пирл-Харбора, было определение большой стратегии США. Правительство изображало помощь Англии как лучшее средство удержать войну подальше от берегов Америки. Его политические противники, сомкнувшие ряды под знаменами «изоляционизма», настаивали, что именно так страна придет прямо к войне. То был основной спорный вопрос, ибо в отношении необходимости форсировать военную подготовку разногласий не было. Напротив, «изоляционисты» даже упрекали правительство в том, что оно уже упустило драгоценное время.

Двухпартийный характер носила и антикоммунистическая истерия, достигшая в 1940 г. значительных размеров. Решительную подготовку к войне руководящие силы использовали для ограничения конституционных возможностей компартии, которая в результате кампании Американского легиона не смогла принять участие в выборах 1940 г. в 14 штатах. Ряд законов, принятых в 1939–1941 гг., предусматривал, что коммунисты не имеют права получать жалование из средств федерального правительства, иными словами, они не могут быть государственными служащими. В июне 1940 г. вступил в силу «Закон о регистрации иностранцев» (Закон Смита), который готовился еще с 1935 г. В соответствии с законом, лица, виновные в устной или печатной пропаганде в пользу «свержения правительства силой» или состоявшие в организациях, призывающих к этому, подлежали наказанию — до 10 лет тюрьмы и 10 тыс. долларов штрафа. Иступленная антикоммунистическая кампания облегчила противникам Рузвельта открыть наступление на правительство.

«Изоляционисты» представляли собой очень пеструю группировку — от прямых агентов держав «оси» до представителей

крупного капитала, воевавших с администрацией Рузвельта с первых дней «нового курса». Среди «изоляционистов» были люди, лично обиженные президентом, а также способные публицисты, страдавшие манией величия, употребившие свою профессиональную находчивость для поношения правительства, обвинения его во всех смертных грехах. В июне 1940 г. «изоляционисты» основали комитет «Америка прежде всего», который развернул лихорадочную деятельность и в конечном счете получил поддержку примерно 15 млн человек. Пропагандисты комитета выдвинули тезис о том, что помощь Англии подорвет национальную безопасность США. Больше того, вступление США в войну поставит под сомнение будущее капитализма вообще, ибо тяжелая, кровавая схватка может привести к социальной революции.

Тот факт, что Рузвельт баллотировался в президенты в третий раз, в глазах «изоляционистов» был достаточным доказательством его стремления стать «диктатором», изменить форму правления в Соединенных Штатах. До и после выборов непризнанные гении политических прогнозов заверяли американцев, что дело обстоит именно так. Они торопились выпалить все возможные и невозможные аргументы, полагая, что пришло то время, когда можно отличиться, а не прозябать в подозрении на политическую прозорливость. Т. Драйзер написал книжку «Америку стоит спасти!», в которой открыл, что «Британская империя не демократия и никогда не была таковой». США следует заниматься собственными делами, остаться в стороне от «войны в Европе, которая ныне не больше касается проблем демократии и цивилизации, чем положения обитателей Марса, если там есть жизнь». Лидер социалистов Н. Томас в книге «У нас есть будущее» доказывал, что попытка спасти Англию приведет к гибели демократические свободы в Америке. Генерал Х. Джонсон, в свое время возглавлявший НИРА, а теперь смертельный враг президента, доказывал, что если США поднимут оружие, то «это будет означать конец формации, шутливо называемой нами “западной цивилизацией”, причем независимо от того, кто победит». Столп «изоляционизма» тридцатых годов сенатор Д. Най доказывал, что Англия — «самый агрессивный агрессор, известный в истории человечества», перечисление преступлений Британии, составленное сенатором, заняло десять страниц «Конгрешнл рекорд»*.

* *M. Jonas. Isolationism in America 1935–1941. New York, 1966, pp. 230–232.*

Кандидат в президенты от республиканцев У. Уилки добавлял собственные аргументы, особенно упирая на то, что ФДР растоптал традиции, ведет дело к созданию безответственного правительства. В этих утверждениях, хотя с иных позиций, развивалась излюбленная доктрина республиканцев — лучше то правительство, которое меньше правит. Но Уилки не выступил против помощи Англии, напротив, он декларировал: «Все мы — республиканцы, демократы и независимые — стоим за оказание помощи героическому английскому народу»*. Оно и понятно: Уилки, рвавшийся к государственной власти, стремился предстать перед избирателями ответственным государственным деятелем, не меньше Рузвельта озабоченным поддержанием первой линии обороны США — Британских островов. При всем этом Уилки доказывал, что он никогда не допустит вступления Соединенных Штатов в войну.

Демократическая партия гневно опровергала утверждения республиканцев, среди которых была масса совершенно безответственных, например, указания на то, что ФДР бросит США в войну, стоит ему почувствовать, что Уилки может победить. Разъяренный Рузвельт был вынужден непрерывно опровергать эти утверждения. К концу кампании ФДР заявил: «Я обращаюсь к вам, матери и отцы, и даю новые заверения. Я уже об этом говорил, но я скажу то же самое еще, еще и еще раз: ваши сыновья не будут посланы, чтобы принять участие в любой войне вне пределов США»**. Самое поразительное во всей этой волне обвинений и контробвинений заключалось в том, что руководители обеих партий прекрасно понимали: США не могут остаться в стороне, они расходились лишь по поводу сроков, а тем временем заверяли народ, что Америка никогда не ввяжется в боевые действия.

Избиратели отвергли красноречивые и разнообразные доводы республиканцев, Ф. Рузвельт был переизбран президентом, хотя большинство над противником по сравнению с 1936 г. значительно уменьшилось — с 10,8 млн. голосов до 4,9 млн голосов. Страна предпочла, чтобы руководство осталось в испытанных руках, а руки ФДР были развязаны — обеспечено еще четыре года работы без отвлечения внимания на внутривнутриполитические

---

* *K. Davies. Experience of War: The United States in World War II. New York, 1965, p. 47.*

** *R. Tugwell. The Democratic Roosevelt. New York, 1956, p. 541.*

схватки. Правительство отныне могло уверенно планировать политику. Острота нападок республиканцев в значительной степени притуплялась и тем, что с лета 1940 г. в состав кабинета вошли два видных деятеля этой партии — Г. Стимсон (военный министр) и Ф. Нокс (военно-морской министр). Во всяком случае решения по стратегическим вопросам можно было обоснованно объявить двухпартийными, а время для их принятия назрело.

Из Лондона волнами шли мольбы о помощи. До ноября 1940 г. англичане оплатили до последнего цента все полученное из США, истратив 4,5 млрд долларов. На средства английского казначейства даже расширялись производственные возможности американской индустрии вооружений, что, например, ускорило подготовку авиационных заводов на 18 месяцев. Но запасы золота и иностранной валюты начинали иссякать, на осень 1940 г. оставалось немногим более 2 млрд долларов. Даже если бы Англия реализовала все свои золотые запасы и зарубежные инвестиции, она бы смогла оплатить примерно одну двенадцатую потребного вооружения и военных материалов. 17 декабря 1940 г. Рузвельт на пресс-конференции огласил план — США будут передавать противникам держав «оси» вооружение и снаряжение в займы или в аренду. «Я пытаюсь теперь ликвидировать символ доллара... Освободиться от этого глупого старого символа доллара», — заверил президент.

На рассмотрение конгресса был представлен законопроект, предусматривавший передачу займы или в аренду вооружения и военных материалов (ленд-лиз). Обсуждение его вылилось в яростную перепалку сторонников правительства с «изоляционистами», которые выдвинули национального героя — летчика Ч. Линдберга, дабы поддержать их утверждения. «Одинокий орел», как называли его после перелета Атлантики, убеждал, что авиация сможет защитить США, нет необходимости расточать ресурсы, подрывая обороноспособность страны. Бывший посол США в Англии Д. Кеннеди (он был смещен с поста за несколько месяцев до этого) добавил свой веский голос в поддержку противников ленд-лиза. С другой стороны, У. Уилки, съездив в Англию, высказался за законопроект. Изумленным американцам, сопоставившим занятую им позицию с недавними заявлениями во время избирательной кампании, Уилки объяснил: «Я делал все, что мог, чтобы побить Франклина Рузвельта на выборах. Его избрали президентом, и теперь он мой президент». В сенат-

ском комитете сенатор Най процитировал слова Уилки, сказанные осенью 1940 г.: «На основе предшествующего отношения [Рузвельта] к обещаниям народу можно ожидать, что в случае избрания его мы к апрелю 1941 г. окажемся в войне». Уилки осведомился: хотят ли знать, действительно ли он произносил эти слова? Най заметил, что сенат интересуется, придерживается ли Уилки по-прежнему этой точки зрения, на что Уилки ответил: «Может быть, хотя это ораторское упражнение во время избирательной кампании. Я рад, что вы прочитали мою речь, ибо президент говорил, что он их не читает»*.

Конечно, Уилки отшутился, но в конгрессе руководствовались куда более серьезными мотивами. Американские государственные деятели считали настоятельно необходимым выправить «баланс сил», склонявшийся в пользу европейских держав «оси». Если некоторые члены кабинета — Моргантау, Икес, Нокс — считали, что этот баланс нужно восстановить прямым участием США в войне, на чем они настаивали с лета 1940 г., то, с точки зрения ФДР, это было бы безрассудством. Он полагал необходимым действовать руками других, которых, конечно, поддержат материально США. Профессор Т. Бейли довольно точно суммировал мотивы администрации, разработавшей схему ленд-лиза: «Правительство предложило эту меру вовсе не потому, что Англия заслуживала нашей помощи, а действуя из эгоистических соображений. Мы посылаем оружие в Англию, англичане продолжают сражаться, а мы можем остаться в стороне. Мы дадим возможность Англии воевать (нашим оружием) до последнего англичанина, а тем временем останемся нейтральными и процветающими»**. Иными словами, ленд-лиз соответствовал высшим принципам политики «баланса сил» и уже по этой причине не мог не быть одобренным конгрессом.

11 марта 1941 г. 60 голосами против 35 в сенате и 260 голосами против 165 закон о ленд-лизе был принят. Он открывался заявлением, что помощь предоставляется тем странам, чья борьба против «агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов». Уже в 1941 г. ленд-лиз был распространен на 38 государств. По двусторонним соглашениям с США каждая страна — получатель помощи по ленд-лизу — брала на себя обязательства

* J. Burns. Roosevelt: The Soldier of Freedom. New York, 1970, pp. 46–49.

** T. Bailey. The Man in the Street. New York, 1968, p. 157.

оказывать обратную помощь Соединенным Штатам, а после войны — отказаться от любых форм дискриминации в международной торговле, снизить тарифы и другие торговые барьеры. Под этим углом зрения ленд-лиз предстает как мощный рычаг проведения традиционной американской политики «открытых дверей». Англии оказывалась помощь (за время войны страны Британской империи получили ее на 30,2 млрд долларов), но в обмен она обязалась снять стену имперских преференций.

